

В декабре минувшего года исполнилось девяносто пять лет со дня рождения одного из крупнейших сибирских писателей второй половины двадцатого века Анатолия Ивановича Чмыхало. И вот уже почти семь лет, как покинул писатель сей грешный мир для миров лучших—надеюсь, добрейших и справедливейших.

Лицом к лицу, сказал поэт, лица не увидать. Мне довелось знать Анатолия Ивановича достаточно близко, и хотя я всегда отдавала себе отчёт в масштабе его действительно крупной личности, только теперь, может быть, сознаю до конца, кем он был и что сделал в жизни, в литературе, в этом городе, в этой стране.

Чтобы найти отправную точку воспоминаний, нужно перенестись в 1974 год, когда на вступительных экзаменах в Красноярский педагогический институт я познакомилась с младшей дочерью Анатолия Ивановича—Олей. Думаю, непросто будет вести рассказ о писателе Чмыхало, не уклоняясь без конца в историю нашей с ней дружбы, но я постараюсь. По странному стечению обстоятельств мы попали с Ольгой в одну группу и уже в сентябре отбыли вместе со всем «потокком» на сельхозработы в Назаровский район.

Месяц в деревне... Жили в «общаге»—в помещении старого интерната, кое-как приспособленном для человеческого проживания. По ночам в нашей казарме гуляли сквозняки и крысы, а с утра пораньше, после очень лёгкого завтрака, мы отправлялись на поля—«дёргать турнепс». В тот год сентябрь выдался по-сибирски суровый: уже в первых числах на полях лежал снег, мокрый, быстро тающий, но самый настоящий. Особенный осенний промозглый холод мало способствовал темпам уборки, и наше пребывание «на селе» всё длилось и длилось, и казалось, ему не будет конца. Девчонки в нашей группе были в основном деревенские (для выпускников сельских школ существовали в ту пору квоты при поступлении в вуз), им к такой «спарте» было не привыкать. Но для нас с Ольгой, городских домашних девочек, это стало, может быть, первым в жизни испытанием на прочность. Думаю, именно атмосфера колхозного уборочного аврала—с её чисто физическим напряжением

и неудобствами, к которым мы обе не были готовы, с непрерывным круглосуточным погружением в нравы простые, грубые и диковатые,—толкнула нас друг к другу, иначе мы, наверное, не справились бы. Оля, впрочем, в конце концов «свалилась»—таки: примерно за неделю до возвращения студенческого «десанта» в город она расхворалась не на шутку, и родители забрали её домой. Но за три недели, что мы прожили бок о бок в деревне Ильинке, я многое узнала о ней и о её семье. Во-первых, отец Ольги—Анатолий Иванович—был тогда уже известным писателем, возглавлял Красноярское отделение Союза писателей СССР и редакцию альманаха «Енисей», то есть, по тогдашним меркам, Оля была не меньше чем «генеральская дочь», это все в группе знали, что порождало в однокашницах (парней на филфаке, понятно, было раз-два и обчёлся) чувства самые разнообразные—от восторженного любопытства до зависти и злобной подозрительности. Я ничего подобного не испытывала по причине своей тогдашней избыточной мечтательности и, как сейчас сказали бы, принципиального экапизма. Бродя по раскисшим от мокрого снега полям в резиновых сапогах, еле державшихся на ногах от налипших на подошвы комков тяжёленного назаровского суглинка, я витала в своих облаках, и Ольге, видимо, просто нравилось держать меня за руку, чтобы я окончательно не улетела куда-то вдаль—без возврата. Моя благодарность была чиста от каких-либо социально обусловленных примесей, и это нас тоже сближало. Да, я быстро поняла, что папа, если бы захотел, мог бы запросто «отмазать» любимую дочь от «испытания Ильинкой». Никто даже слова не сказал бы в упрёк. Тем более что и здоровья, соразмерного «испытанию», у Ольги и тогда не было, и всю жизнь потом с этим то и дело возникали проблемы. Но. Дочь советского писателя не должна была отрываться от коллектива. Только так. И точка. Впрочем, не в «советскости» даже дело. Анатолий Иванович, сам прошедший тяжелейшую школу жизни, понимал, конечно, что детям негоже уклоняться от ухабов и слякоти житейских дорог, какими бы незначительными они поначалу ни казались.

Я стала бывать у Чмыхало практически ежедневно. Они жили в самом центре города, на проспекте Мира, в двух шагах от главного корпуса пединститута, где мы учились. Удивительная это была семья. С одной стороны, крайне патриархальная. Весь быт сосредоточен вокруг труда Анатолия Ивановича. Отец—и царь, и бог, и краеугольный камень, и камень преткновения. С другой же стороны, в семье царил дух вольнодумства—совершенно неслыханный по тем временам. Честно говоря, я иной раз даже опасалась: нет ли, не дай Бог, где-нибудь в комнате хитрого встроенного «жучка»? А вдруг? Основное убранство в этой, как я сейчас понимаю, достаточно скромной (хотя тогда мне казалось—роскошной!) квартире составляли книги. Да и сам Анатолий Иванович—«ходячая энциклопедия». Тягу к универсализму, к широким познаниям в разных сферах науки и искусства он сумел передать детям: и Борис, старший, и Ольга с юности обладали прекрасной памятью и редкой даже для тех просвещённых времён начитанностью. Так что я с самого начала чувствовала в этих людях какую-то особую избранность, что ли... И в то же время—простоту обихода, коей не ощущала и по сей день не ощущаю в себе.

Сейчас я думаю: эта, почти стихийная, образованность, удивлявшая собеседников широтой и подробностью, вообще была свойственна советским интеллигентам первого поколения, совершившим небывалый духовный рывок в двадцатом веке. Эта генерация, увы, стремительно уходит, а ведь в ней редчайшим, удивительнейшим образом переплелись генетические коды старинных крестьянских родов и усвоенная с азартом неопитов сокровищница мировой культуры. Эти люди с детства знали, что такое голод, холод, унижения, простой деревенский быт, тяжёлый физический труд, но их судьба сложилась так, что лучшие книги, лучшая музыка, лучшие произведения искусства прошлого стали им доступны, и именно они этот шанс не упустили, хотя эпоха вместе с возможностями создавала и все предпосылки для того, чтобы упустить. Тут уже всё зависело от личных качеств—ума, настойчивости, таланта. У Анатолия Чмыхало, потомка славного украинского кобзаря, хватило и того, и другого, и третьего.

В том же семьдесят четвёртом, в декабре, я впервые была на юбилейном вечере писателя Чмыхало. Позже я, кажется, не пропустила у Анатолия Ивановича ни одного юбилея. Но тот—пятидесятилетний—был поистине триумфальным. Уже были написаны «Половодье», «Нужно верить», «Три весны». И, наверное, не было ни одной более или менее культурной семьи в Красноярске, где не хранили бы «Половодье» на видном месте, на почётной книжной полке. У нас такая тоже была. На обложке—казацкий палаш, торчащий то ли

из озерца, то ли из кровавой лужи. Не скажу, чтобы я ещё в школе прочла её с пониманием предмета, но знать—знала. И вот теперь—на правах гостя автора этой книги—я сама за столом с выдающимися людьми своего времени! Надо ли говорить, как я была польщена и горда...

И откуда мне было знать, что именно в те годы Анатолий Иванович переживал, может быть, самые трагические, самые тяжёлые события своей биографии? В ретроспективе этих событий не самым красивым образом всплывают известные имена, которые не стану я здесь тревожить, ибо... иных уж нет, а те далече. Писательская среда, как показал теперь уже мой собственный опыт,—в моральном плане едва ли не самая коварная и безжалостная. Особенно в отношении собратьев по перу. Дело прошлое, но оно изрядно подточило здоровье Анатолия Ивановича, что к годам преклонным возымело катастрофические последствия. Однако тот юбилей, в семьдесят четвёртом показывал и значимость уже сделанного писателем, и его огромный творческий потенциал.

А дальше—от юбилея к юбилею—заслуг и достижений становилось всё больше, но больше и грусти. Настал момент, когда уже и верной спутницы, Валентины Никифоровны, не стало рядом. Помню Анатолия Ивановича в 2009-м. Исхудавшего. С огромными тёмными глазами на странно помолодевшем лице... и такая от него исходила энергия полноты жизни... не верилось, что время его уже на излёте.

Я писала тогда о нём:

«Говорят, злого человека годы уродуют, доброго и мудрого—красят: всё отчётливее и ярче проступают черты прекрасные, а случайное, несущественное отступает на задний план.

Вот фотография в альбоме—молодой красавец-актёр Чмыхало-Брасс: бледное выразительное лицо с тонкими чертами, огненными глазами, чёрными бровями, густой шевелюрой... Залюбуешься! А я ведь не знала его таким... Эти глаза я запомнила глубокими и печальными, с легко набегающей слезой,—глаза много страдавшего и много знающего человека. Прекрасные глаза на прекрасном крупном лице... Сам Чмыхало, правда, шутит, что дожил „до бульдожьих лет“, но именно таким, будто уже давно превысившим какие-то условные мерки, при помощи которых люди оценивают внешность друг друга, он кажется мне особенно красивым! Словно время над ним не властно.

Возможно, род занятий Анатолия Ивановича—тому причина. Писатель напрямую причастен к бессмертию: он воскрешает мир прошлого, наделяя его живыми чертами, воссоздать которые можно только чудом! Это и есть дар, талант, Богом отмеренный настолько, насколько способен человек поднять эту непомерную ношу. Писатель

всю свою жизнь испытывается на соответствие собственному таланту. А это и есть — судьба.

Судьба Анатолия Чмыхало в разные годы то гнобила его, пригибала к земле, то подхватывала на крылья, приподымала над землёй, то с беспощадностью раненой птицы швыряла на камни, но писатель не умолок, не перестал исполнять свой долг перед ушедшими, но заслуживающими нашей памяти людьми. Хотя были, конечно, и времена мучительного молчания, забвения публикой, пренебрежения со стороны, так сказать, лидеров общественного мнения. Однако — и тут проявилась особая сила характера писателя — в эти времена, как никогда прежде, аккумулировалась творческая энергия, выплеснувшаяся в произведениях Чмыхало последних лет.

Его стезя — историческая проза. Герой — всегда на мучительном перепутье, как бы „зависший“ между мирами, попавший в водоворот социальной катастрофы, поставленный в ситуацию выбора, когда выбор невозможен. Наверное, это странный для Анатолия Ивановича вывод, но я убеждена, что лирический герой его последних романов сконцентрировал в себе черты и Романа Завгороднего из „Половодья“, и Ивана Соловьёва из „Отложенного выстрела“, и других персонажей его предыдущих книг. А может, всё как раз наоборот: до поры до времени таимый (лишь точно, спонтанно обнаруживающий себя в стихах) лирический герой разными гранями воплощался в художественных образах, так или иначе связанных с заветными мыслями автора. Я фантазирую иногда: так, наверное, Данте обнаруживал в аду своих героев и оживлял флюидами собственной души не меньше, чем мастерством художника! Чтобы прошлое не погасло, чтобы — учило своей непреложностью, показывало правду упорствующим в заблуждении и неверии. А правда никогда сама собой не падает сверху, как яблоко на голову Ньютона, — её вырабатывают человеческие сердца, любя и страдая. Думаю, в этом и заключается нравственный пафос книг Чмыхало, их трагический и возвышенный оптимизм».

Стихи Анатолия Чмыхало — совсем особая песня. Бывает проза поэта. Бывает ли поэзия прозаика? Литературная деятельность Анатолия Ивановича, как это чаще всего и бывает, началась стихами. Первая книжка его — «Земляки» — состоит из стихов уже вполне зрелых, но как бы стоящих «в ряду», не «цепляющих» ценителей поэзии ни смелостью авторского подхода к материалу, ни изысканностью формы. Позже писатель полностью посвятит силы и время такому сложному и трудоёмкому делу, как историческая проза. Стихи, конечно, приходили и тогда, но, видимо, Чмыхало не относился к ним всерьёз, что в конце концов и стало причиной возникновения «самородков» — совершенно оригинальных стихотворных миниатюр, в которых проявился не столько талант прозаика, пишущего стихи, сколько так до конца и не востребованный при жизни писателя дар драматурга. Каждая такая миниатюра — словно пьеса-перевёртыш из народного театра Петрушки. Если первые две строчки — патетика, следующие — обязательно сарказм. И наоборот. Весёлая, порой даже ёрническая игра, предназначенная для самых близких и потому свободная от какой бы то ни было внешней заданности. Вряд ли Анатолий Иванович думал их публиковать; книжки стихов, изданные в последние годы жизни писателя, появились на свет благодаря усилиям его друзей и родных. Перелистывая сегодня эти страницы, понимаешь: да, вовремя; хорошо, что Чмыхало смог ещё подержать в руках и «Самородки», и «Россыпи». Теперь, спустя годы, каждое слово этих коротких и вроде бы очень простых стихотворений озаряется особым светом: предчувствия сбылись, намёки прояснились и стали очевидными, горькая усмешка стала пророчески глубока, а надежды на лучшее обрели зримые очертания. Земной путь человека Анатолия Ивановича Чмыхало завершился в 2013 году, путь же писателя Чмыхало продолжается и не прервётся, пока живы читатели его книг. А они живы, значит — продолжение следует!